АРМЯНЕ НА ПОЛЬСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ СЛУЖБЕ В XVI—XVII ВЕКАХ

Н. С. РАШБА, С. И. АВЕРБУХ (Харьков)

Армянские поселения на Украине, их история, судебные учреждения, хозяйственная жизнь давно стали предметом изучения, им посвящена значительная литература. Однако в тени осталась весьма важная сторона жизни армян, их участие во внешнеполитической деятельности Польско-Литовского государства. Значение деятельности армян в сфере дипломатии отметил один из первых исследователей армянской эмиграции на Украине И. Линниченко: «Никто лучше армян не знал обычаев татар, турок и других восточных народов, с которыми их ежедневно сталкивали торговые обороты. Кому же, как не армянам, было поручать рискованное дело дипломатических переговоров с искуснейшими дипломатами того времени, людьми Востока, когда мелкое нарушение этикета, неловкая фраза, нарушение пустой на взгляд горделивого шляхтича формальности могли в самом начале расстроить дипломатическую кампанию на Востоке? Поэтому-то хотя во главе дипломатических миссий на Восток стоит обыкновенно какой-нибудь знатный магнат или молодой член важной шляхетской фамилии, начинающий дипломатическую карьеру, однако послом де-факто является состоящий при нем в скромной роли драгомана армянский купец»[1].

К сожалению, это свое совершенно справедливое утверждение И. Линниченко почти не подтверждает фактами. А. Зайончковский и Я. Рейхман называют среди дипломатов и переводчиков на польской службе ряд лиц, которые были армянами, не упоминая об их происхождении. Лишь Б. Барановский[2] посвятил армянам на польской дипломатической службе небольшую работу. Однако он не использовал важнейший сборник источников «Акта Томициана», а выход в свет после появления статьи Барановского «Каталога документов турецких» открывает новые перспективы исследования участия армян во внешних сношениях Польши и Литвы со странами Востока[3].

Существенные дополнения к этим и другим публикациям документов польской внешней политики дают армянские хроники из Каменец-

---

[1] И. Линниченко, Общественная роль армян в прошлом юго-западной Руси, Киев, 1895, стр. 6, 7.

[2] B. Baranowski, Ormianie w służbie dyplomatycznej R. P. „Mysl karaimska", Wroclaw, 1946, № 1.

[3] „Acta Tomiciana", t. I—XVI, Poznan, 1852—1958; Katalog dokumentow tureckich, oprac. Z. Abrahamowicz, Warszawa, 1959.

Подольска, недавно изданные на европейских языках[4]. Упоминания об участии некоторых армян в польских посольствах помогают представить, кто были столь важные для польской дипломатии сотрудники.

Б. Барановский писал, что они появились на Украине и в Польше не раньше XIII в. Покидая свою родину во времена порабощения ее турками-сельджуками, они странствовали по Крыму, где заимствовали половецкий (кипчакский) язык, которым и написаны каменец-подольские судебные акты и хроники. Расселившись в крупнейших городах Украины, они взяли в свои руки почти всю торговлю с Востоком. «Они знали турецкий язык, прослыли специалистами в восточных делах. В XIV в. должность львовского городского толмача занята была всегда армянами. Львов имел даже нескольких толмачей с восточных языков. В 1380 гг.— Аттабей, или Атлабей, Качарыс, Нурадин, Пауличко, Охтаг, Петр Иоанн и др. В начале XV в.— Иоаннес, Баранчук, Ивони и Грегор, позднее Ахтей»[5]. Разумеется, из этих толмачей Львова и Каменец-Подольска пополнялся персонал восточных посольств, часто отправлявшихся из Польши в Турцию.

Уже в первом польском посольстве к султану в 1415 г. рыцаря Скарбека с Гуры сопровождал армянин Грегор, очевидно, толмач[6]. С завоеванием турками Северного Причерноморья, установлением польско-турецкой границы в конце XV в. обмен посольствами участился. Б. Барановский, отмечая, что в XVI в. армяне все чаще встречаются на дипломатической службе, утверждает, что «исполняли они преимущественно обязанности толмачей, приставов и секретарей королевской канцелярии, реже их использовали для заграничных путешествий на Восток»[7]. Нам представляется это мнение ошибочным. Достаточно проследить деятельность нескольких армян на польской службе, чтобы убедиться в обратном.

На протяжении многих лет встречаем в дипломатических документах имя Ивашко-армянина. Украинские имена явление среди армян Каменец-Подольска и других городов весьма распространенное, и указание на происхождение, служившее как бы прозвищем, не всегда следовало за ними.

В 1507 г. Ивашко был отправлен к султану Баязиду II за разрешением на приезд великого посла, который должен был вести переговоры

[4] J. Deny, L'Armeno-coman et les „Ephemerides" de Kamieniec (1600—1613), Wiesbaden, 1957; S. Vasary, Armeno-kipchak parts from the Kamenets chronicle, „Acta Orientalia Academiae Scientarium Hungaricae", t. XXII(2), Budapest, 1970; E. Schütz, An armeno-kipchak chronicle on the polish-turkish wars in 1620—1621, Budapest, 1968.

[5] B. Baranowski, указ. соч., стр. 124. О роли армян в торговле с Востоком и позднее, в XVII в., свидетельствует предложение, внесенное на сейме в Варшаве в 1616 г.: «Подобно Франции, Англии и Нидерландам иметь в Стамбуле если не посла, по крайней мере агента, который бы там постоянно жил под предлогом охраны (интересов.— *Авт.*) купцов и *армян* (разрядка наша.— *Авт.*) и взаимной торговли, которую имеем с турками» («Жерела до історії України-Руси", т. VIII, Львів, 1908, стр. 175).

[6] B. Wapowski, Dzieje korony polskiej, t. I, Wilno, 1847, стр. 356.

[7] B. Baranowski, указ. соч., стр. 122.

о продлении турецко-польского перемирия. Миссия была успешной, в ответном письме султан посылал королю пожелания долгого правления и заверял в том, что великому послу обеспечен безопасный приезд[8].

В 1514 г. король Сигизмунд I, отправляя в Стамбул посла Крупского, писал ему, что по его желанию направляет с ним переводчиком Ивашко и рекомендовал относиться с доверием к его переводам[9].

Можно предположить, что последующие годы Ивашко не пребывал в праздности, но в известных нам документах его имя всплывает лишь в 1628 г. Вице-канцлер П. Томицкий сообщал об Ивашко в письмах к разным лицам. Подчеркнув, что Ивашко много лет служил переводчиком, передавал письма, то есть исполнял обязанности дипкурьера, он рассказал о его деятельности подробности, свидетельствующие о том, что его миссия была гораздо более ответственной. Он пишет, что Ивашко лично от великого везира Ибрагим-паши получал сведения о турецком походе в Венгрию, о делах итальянских и другие сведения, устные сообщения о которых он сам сделает королю, для чего и направлен к нему[10].

Последнее известное нам упоминание об Ивашко как бы подводит итог его многолетней деятельности. Ссылаясь на приехавшего из Стамбула каштеляна люблинского Яна Тенчинского, переводчиком у которого служил Ивашко, он отмечает его добросовестность и другие качества[11]. Таким образом, мы наблюдаем деятельность Ивашко на дипломатической службе на протяжении 22 лет. Нет сомнения, что она продолжалась дольше, так как в 1507 г. он ехал в Стамбул уже с ответственной самостоятельной миссией. Следовательно, его дипломатическая служба началась раньше.

Еще более ярко выступает в источниках деятельность другого дипломата — армянина Василя Вроны. Ему довелось играть большую роль в польско-турецких отношениях в момент их обострения, связанного с планами султана Сулеймана захватить Венгрию в 20-е годы XVI в. Готовя агрессию, султан стремился обеспечить нейтралитет Польши, что ему представлялось тем более трудным, что на венгерском и чешском престолах сидел племянник польского короля Сигизмунд I Людвиг Ягеллон. Вряд ли султан ожидал, что дружбу с Турцией Сигизмунд I предпочтет созданию в центре Европы могущественной державы династии Ягеллонов.

Однако случилось именно так. Василь Врона принял участие в оживленном обмене посольствами, предпринятом по инициативе султана. Обращаясь в 1521 г. к молдавскому господарю с просьбой оказать ему содействие при проезде в Стамбул, король характеризует армянина-переводчика как великого посла, особо доверенное лицо. Он называет его «наш оратор», что означает посол с устным поручением. Это, безуслов-

---

[8] „Acta Tomiciana", t. I, App. № 12, стр. 27; „Kat. dok. tur.", № 14, стр. 31.

[9] „Acta Tomiciana", t. III, № 18, стр. 25, 26.

[10] „Acta Tomiciana", t. X, № 213, 214, 227, 233, 237, 289; L. Finkel, Polityka polska w węgierskiemu pytani, „Kwartalnik historyczny", t. XIII, тетрадь I, стр. 474.

[11] „Acta Tomiciana", t. XI, № 64, стр. 62.

но, свидетельствует как о важности миссии, так и о том, что она являлась не совсем официальной, а тайной[12].

В 1525 г. Василь Врона едет уже в качестве переводчика с посольством Станислава Одровонжа, в результате которого польско-турецкое перемирие было продлено на 3 года. К. Маркс весьма точно охарактеризовал значение этого договора: «1525, Сулейман... заключил с польским королем мир на 6 лет..., таким образом подготовил себе свободу действий против Венгрии»[13]. В результате Людовик Ягеллон был разбит при Могаче в 1526 г., и Венгрия стала ареной борьбы между турецким ставленником трансильванским магнатом Яном Заполья и Фердинандом Габсбургом, избранным королем Чехии и Венгрии.

Родственные отношения с Запольей побудили Сигизмунда I добиваться помощи султана, который решил использовать это для завоевания Венгрии. Возникает оживленная переписка. В начале 1528 г. Василь Врона отправился в Стамбул с письмом канцлера Шидловецкого к великому везиру Ибрагиму-паше. Султан ответил, что готов продлить мир на 5—10 лет и собирается в поход в Венгрию. Дано было также разрешение на приезд посольства. Все это сообщил Врона канцлеру П. Томицкому, а также привез и письмо великого везира канцлеру с выражением чувств сердечной дружбы. Осенью 1528 г. посол Тенчинский получил продление мира на 5 лет[14].

При участии Василя Вроны послом Опалинским был заключен «вечный» мир 1533 г. Он был уже не кратковременным, как прежние мирные договоры, перезаключавшиеся каждые 3—5 лет. Отныне польско-турецкие договоры продлевались при переменах на турецком и польском престолах. Поэтому миру 1533 г. в польской историографии придается особое значение. О том, в какой дружественной обстановке велись переговоры о его заключении и какую роль играл при этом Василь Врона, свидетельствует тот факт, что его и посла Опалинского привлекли, по желанию султана, к переговорам австрийского посла с великим везиром Ибрагим-пашой. Врона владел турецким, Опалинский—немецким, но роль последнего не ограничивалась переводом. Он был и посредником, что вытекало из общих польско-турецких интересов поддержки Заполи против Фердинанда в Венгрии[15]. О Василе Вроне в качестве переводчика есть и другие свидетельства. Иероним Ласки, магнат, игравший видную роль в планах польского двора, связанных с Запольей, писал королю, что письмо из Стамбула ему перевел Врона, присланный от султана. Очевидно, опытный дипломат и переводчик ездил не только из

---

[12] „Acta Tomiciana", т. V, № 424, стр. 394.

[13] „Acta Tomiciana", т. VII, № 47, стр. 279—281; „Kat. dok. tur.", № 19—20, стр. 34—35. Василь Врона, как участник посольства к султану, упомянут 9 февраля 1525 г. в счетах королевской казны («Acta Tomiciana», t. XV, прим., стр. 210); К. Маркс, Хронологические выписки. Архив Маркса и Энгельса, т. VII, М., 1940, стр. 213.

[14] „Kat. dok. tur.", № 21.

[15] Wł. Pociecha, Krolowa Bona, t. IV, Warszawa, 1949, стр. 137.

Варшавы в Стамбул и обратно, но и в Венгрию, где находился Иероним Ласки при дворе Запольи[16].

Нам неизвестно, когда появилась и стала постоянной должность переводчика в королевской канцелярии, но в последние годы Сигизмунда I, который умер в 1548 г., ее занимал армянин Шимон Булгакович, получавший 100 флоринов в год. После него должность эту занимал Николай Армянин[17].

Николай был львовским мещанином, которого высоко ценил король. Его дипломатическая служба длилась с 1540 по 1567 гг., когда его заменил в королевской канцелярии Криштоф Армянин. Впервые о нем говорится в 1540 г. в письме султана, который, упомянув о его недавнем приезде с жалобой на татарские набеги, отмечает, что он уладил дела многих пленных, то есть обеспечил их освобождение. В 1542 г. он вновь в Стамбуле по поводу незаконного выпаса стад на польской земле жителями Аккермана и других пограничных местностей, а также грабежа населения преступниками из владений султана[18].

Толмач Николай стал настолько влиятельной личностью, что на его заявление ссылаются в официальном документе. Так, помощник великого везира в 1549 г. ссылается на заявление Николая, сделанное турецкому чаушу в Кракове, о предстоящем его приезде с великим послом, и даже сообщает срок выезда посольства. Очевидно, толмач был уполномочен делать такие заявления.

В 1554 г. Николай выступает как полноправный польский посол, равный Станиславу Тенчинскому. Последний в предшествующем году привез в Краков текст договора, подписанный султаном, а Николай отвез в Стамбул текст, подписанный королем, с письмом от него и поручением сделать устное заявление по важным вопросам. Султан отправил с Николаем три копии договора, а также приказы турецким должностным лицам (очевидно, копии тех, которые относятся к Польше). В 1562 г. султан обращается к королю с письмом, свидетельствующим о том, каким доверием пользовался толмач Николай в Стамбуле. Обвиняя польские власти в ограблении султанского торгового агента, Сулейман ссылается на толмача Николая как на свидетеля. Очевидно, последний как представитель высших государственных сфер, ставил сохранение дружественных отношений с Турцией выше интересов отдельных должностных лиц, чьи действия им вредили, и свидетельствовал против них даже в Стамбуле. Не удивительно, что в 1562 г. Николая посылают в Стамбул с письмом и устным заявлением по поводу жалоб султана[19].

---

16 «Acta Tomiciana», t. X, № 200, стр. 195. О дальнейшей судьбе Василя Вроны известно, что он участвовал и в посольстве Яна Оцнеского в Стамбуле в 1531 г., а в 1533 г. по возвращении из Турции умер от болезни, которая там свирепствовала. Подканцлер П. Томицкий обратился к королю 7.XI 1533 г. с просьбой о даровании ежегодной пенсии сыновьям заслуженного придворного толмача (переводчика) Василя Вроны за счет львовской пошлины («Acta Tomiciana», t. XV, стр. 605—606, 738).

17 A. Tomczak. Walenty Dembinski. Torun. 1964, стр. 97—98.

18 Там же, стр. 97, 98; „Kat. dok. tur.", № 56, 59.

19 „Kat. dok. tur.", № 107, 150, 164, 168.

Данные о долгой службе Криштофа, сменившего Николая на посту толмача королевской канцелярии и пребывавшего на нем с 1567 г. до конца века, дают представление о том, что кроме ежегодного жалования, толмачи получали плату за участие в посольствах. В 1576 г. он получил 250 злотых, в 1577 г. за сопровождение посла Сенинского 160 злотых, в 1599 г.— 200 злотых. Во времена Стефана Баторня Криштоф и два других толмача: Сергей и Ханко Бискупович получали по 396 и 208 злотых на продовольствие[20].

Разумеется, высшим вознаграждением были шляхетские звания, сочетавшиеся с получением поместий. Малхр Ивашкевич, татарский толмач из Львова, обеспечил потомкам шляхетство и село Гуляники, дарованное королем в 1504 г. Получил шляхетство и Николай Атабнович из армянской семьи, проживавшей во Львове с 1382 г. Одной из его заслуг было участие в посольстве у Сулеймана с 1551 г. на протяжении 5 лет[21]. Иногда шляхетства удостаивались потомки. В письме султана Селима II Сигизмунду II Августу в июле 1568 г. упомянут Авак, отправлявший посольство в Турцию и задолжавший 70 тысяч акче за купленное там сукно. Агент продавца Синана вторично выехал в Польшу, чтобы взыскать долг. Возможно, Авак был не послом, а торговым агентом, но его заслуги помогли Яну Аваку, который упомянут как сын купца Авака, получить шляхетство. Правда, основанием для него была служба в польском войске против Наливайко и Михая, князя Валахии[22].

Абрагамович допускает, что армянином был носивший персидское имя Ширмерд, присланный королем в 1542 г. для переговоров с силистрийским беем. Возможно, армянин и Криштоф Дзиержек, основоположник династии толмачей на польской службе (в XVII в. трудились на этом поприще Прандота и Криштоф II Дзиержки), ездивший с 1574 по 1591 г. девять раз в Турцию в качестве посла. Вероятно, армянином был и Ян Шимон, отправленный Сигизмундом III из Гданска к султану в 1588 г.[23].

В начале XVII в. польско-турецкие отношения осложнились из-за борьбы за влияние в Молдавии и помощи Сигизмунда III Габсбургам в начале Тридцатилетней войны. В результате вспыхнула польско-турецкая война 1620—1621 гг., первая после битвы Владислава с турками у Варны в 1444 г.

Канун войны, а затем ликвидация ее последствий ознаменовались дипломатической активностью, потребовавшей, разумеется, активного участия армян. Б. Барановский указывает, что в начале XVII в. королевскими толмачами были три представителя семьи Серебковичей:

---

[20] A. Tomczak, указ. соч., стр. 97; „Polska służba dyplomatyczna 16—18 w., Warszawa, 1966, стр. 193, 199, 164.

[21] L. Korwin, Ormianskie rody szlacheckie, Krakow, 1934, стр. 96, 63.

[22] „Kat. dok. tur.", № 196; L. Korwin, указ. соч., стр. 168.

[23] „Polska sluzba..." op. cit., стр. 59, 61; „Kat. dok. tur.", № 51, 64, стр. 72; A. Zajączkowski, J. Rejchman, Zarys dyplomatyki osmansko-tureckiej, Warszawa, 1955, стр. 113, 116.

Петр, Криштоф, Стефан. Последний впоследствии был секретарем Владислава IV. Известен еще один Серебкович—Лука, которого Сигизмунд III в 1612 г. послал с письмом к великому везиру с просьбой оказать влияние на хана, чтобы прекратил набеги татар, разоряющих народ Украины, который из-за этого уходит в казаки[24].

Все чаще в посольствах участвуют армяне из Каменец-Подольска. В 1612 г. с послом Тарговским поехали в Стамбул Криштоф Киркорович, Томаш Балуевич и Якуб Скаженик. Позднее, в 1622 г., с Криштофом Збаражским ехал Якуб Пирумович[25]. В 1613 г. с послом Адамом Гурским в качестве толмача и интенданта отправился в Турцию Авксент Каменецкий. Эти же обязанности он исполнял, сопровождая турецких чаушей в Варшаву в 1620 г. Бывал он и в Молдавии, куда сопровождал возвращавшуюся в 1619 г. из Польши вдову господаря Валахии Симеона с сыновьями[26].

Нам известны и другие армяне, находившиеся в эти годы на польской службе. В сентябре 1615 г. каменчанин Бедрос, сын Тер-Григора, направлен был королем к господарю Молдавии Томши и погиб там. В 1620 г. в Стамбул отправлен был как полуофициальное лицо армянин Габриель[27].

Особое внимание среди всех этих армян на польской службе привлекает Авксент Каменецкий. Его дипломатическая деятельность представляет особый интерес не потому, что он пребывал в разных амплуа, был в Турции и Молдавии. Это был представитель правящей верхушки каменецкой армянской общины, типичный представитель среды, из которой выходили нужные польской дипломатии кадры. Каменецкие армяне, сражавшиеся под стенами родного города против татар, радовались тому, что неудачей окончился турецко-татарский поход против Запорожской Сечи, скорбели по поводу казни казаков в угоду султану перед лицом его чауша. Личное отношение Авксента к туркам особенно ярко нашло свое выражение в той части хроники, которая посвящена войне 1620—1621 гг., где он клеймит агрессоров за их жестокость, противопоставляя им гуманность польского войска. Большое внимание уделяет он запорожским казакам, подчеркивая, что без них не было бы победы[28]. Нет оснований считать, что взгляды Авксента расходились с убеждениями подавляющего большинства армян на польской службе, что жители других армянских общин думали иначе, чем каменчане.

Если Авксент, находясь во время войны в польском лагере под Хотиным, отмечал по поводу заключенного перемирия с турками 9 октября

[24] B. Baranowski, указ. соч., стр. 125; „Жерела до історії України-Руси", т. VIII. Львів, 1908, № 96, стр. 124.

[25] Архив г. Каменец-Подольска, д. 33, ф. 39, оп. 1, стр. 59а, 75а/60, 165 об., 162 об. (получено у Г. П. Пингирян).

[26] J. Deny, указ. соч.; E. Schütz, указ. соч., стр. 41; S. Vasary, указ. соч., стр. 158.

[27] R. Majewski, Cecora 1620, Warszawa, 1970, стр, 62.

[28] S. Vasary, указ. соч., стр. 152, 153; J. Deny, указ. соч., стр. 29; 31; E. Schütz, указ. соч., стр, 75, 79.

1621 г., что не может ничего сообщить о его содержании, то другой армянин Криштоф Серебкович принял самое активное участие в превращении перемирия в прочный мир, если таковой вообще был возможен с таким соседом.

От Криштофа Серебковича не дошли сочинения, в которых было бы изложено его кредо, но дела его говорят о таком же патриотизме, какой был присущ Авксенту. Он проявился в сложных условиях послевоенных переговоров: «После Хотинского трактата Криштоф послан был как наблюдатель, скорее как шпион, в Константинополь, прислал оттуда сведения о делах политических и военных. Затем он ездил в Турцию как секретарь или толмач при Криштофе Збаражском»[29].

Посольство Збаражского со свитой более тысячи человек, торжественно въехавшее в Стамбул 11 ноября 1622 г., очутилось в весьма неблагоприятных условиях. Волнения в Стамбуле, приведшие к убийству султана Османа и продолжавшиеся после его смерти, враждебность великого везира Гнурги-паши к Польше создавали невыносимые условия для посольства. Лишь приход к власти нового великого везира Хуссейна обеспечил успех. Заключив в феврале 1623 г. мир с султаном Мустафой, Збаражский, как утверждает английский посол Томас Роэ, немедленно выехал из Стамбула, а дождавшись за его пределами подписанного султаном договора, помчался домой. Потому ли, что не имел толмача или очень спешил, сразу пустился в дорогу без чтения бумаг, в которых при переводе были обнаружены изменения текста в пользу турецкой стороны. Такой текст доставлен был королю 28 апреля 1623 г. На обороте одной из копий договора неизвестной рукой приписано, что он содержит нехорошие и тяжелые условия, гораздо лучше был тот, который привез через 6 месяцев толмач Збаражского Криштоф Серебкович[30].

Новый договор был заключен 10 октября 1623 г., турецкая сторона старалась изобразить дело так, будто его заключение вызвано было не искажением прежнего текста, а тем, что 9 сентября султаном стал Мурад IV, а Серебкович не был прислан с исправленным текстом, а находился в Стамбуле. Новый договор был якобы идентичен предыдущему, и подписание его состоялось не в связи с искажением текста прежнего, а в связи с переменой на престоле. Однако в тексте договора сказано, что он представлен Криштофом Серебковичем (во вступительной части), в то время как в текстах предшествующих договоров сказано, что они даны султаном[31].

Все это убеждает нас в том, что Серебкович действительно добился того, чего не удалось знатному пану Збаражскому. Добился он заключе-

---

[29] B. Baranowski, указ. соч., стр. 126.

[30] S. Wojtasik, Uwagi Kr. Zbaraskiego, posła do Turcji z 1622 r. o państwie Ottomańskiem. „Studia i materiały do historyi wojskowości", t. VII, cz. 1, 1961, стр. 326; Wyjątki z negocyi T. Roe posła angielskogo w Stambule. „Zbiór pamiętników o dawnej Polszcze", t. V, Lipsk, 1840, стр. 321; „Kat. dok. tur", № 256, 257, стр. 246—249.

[31] „Kat. dok. tur.", № 259, стр. 251, traktat 1553 г. № 138, traktat 1577 г. № 226.

ния нового договора удивительно быстро для турецкой дипломатии — всего через месяц после вступления Мурада IV на престол. Попутно он добился освобождения находившихся в Стамбуле польских пленных и получил наследство умершего там польского купца. Немудрено, что, рассказывая о таких успехах дипломата-армянина, Б. Барановский добавляет: «Несмотря на все упреки, польское общество должно было признать, что никто так хорошо не умел исполнить доверенную им миссию, как армяне»[32].

Трудности выпадали на долю и других членов семьи Серебковичей. Так, Стефан, посланный в 1638 г. за разрешением на приезд великого посла, вынужден был ехать вслед за султаном, отправившимся на войну с Ираном, и едва ли не год ожидал ответа[33].

В начале XVII в. одновременно с турецко-польскими активизировались и польско-иранские контакты. Они были весьма слабыми по сравнению с польско-турецкими дипломатическими отношениями. Однако и здесь мы встречаем армян. В 1601 г. в Иран был отправлен Сефер Муратович для покупки товаров, необходимых Сигизмунду III и его приближенным. Нам неизвестно, сочеталось ли это поручение с дипломатической миссией, или шах Аббас решил воспользоваться случаем, чтобы установить контакт с Польшей. Возможно, Муратович имел и дипломатическое поручение от Сигизмунда III. Так или иначе установились контакты, возобновившиеся позднее[34].

В 1617 г. шах Аббас направил письмо Сигизмунду III с предложением создать для борьбы против Турции крепости на Черном море. Передача письма была доверена армянину Якову, разведчику и дипломатическому агенту шаха. Этим его миссия не исчерпывалась. Он побывал в ряде стран Европы и привез шаху письма от австрийского эрцгерцога Фердинанда (с 1619 г.—император) и других государей. Привезенный им ответ Сигизмунда III был составлен после совещания, на котором присутствовали французский посол, представители папы и гетман украинских казаков. Шах в октябре-ноябре 1618 г. ограничился устным ответом Якова, потому ли, что доверял ему, или потому, что утратил интерес к соглашению с европейскими державами, так как к тому времени им было заключено перемирие с Турцией. Контакты возобновились в апреле 1620 г., когда вновь армяне привезли шаху письма от какого-то из казачьих предводителей, как предполагает Я. Дашкевич[35].

---

[32] „Kat. dok. tur.", № 261, стр. 253; B. Baranowski, указ. соч., стр. 124. О значении деятельности Криштофа Серебковича свидетельствует то, что Сигизмунд III счел необходимым сообщить французскому послу в Стамбуле о замене Серебковича послом Криштофом Кильчевским. Письмо в отд. рукописей б-ки им. Салтыкова-Щедрина от 4 апреля 1624 г. (фонд авт. 63/2, № 48).

[33] Relacya legacyi Miaskowskiego, г. 1641, „Zbiór pamiętników o dawnej Polszcze", t. 5, Lipsk, 1840, стр. 35—36.

[34] B. Baranowski, указ. соч., стр. 125.

[35] Я. Дашкевич, Українсько-іранські переговори..., УІЖ, 1971, № 9, стр. 128.

Во второй половине XVII в. армяне вновь участвуют в сношениях с Ираном. Среди них Сулейман-Константин де Сири, бывший ранее резидентом Польши в Вене, в 1678 г. направленный в Москву для утверждения Андрусовского перемирия. Очевидно, Ян III Собеский, уважавший его за знание языков, придавал большое значение контактам с Ираном, если послал туда такого опытного дипломата в 1686 г. с полномочиями от папы и союзных держав, чтобы привлечь шаха к лиге и возвратить захваченные Турцией крепости. Результат миссии де Сири нам неизвестен. Он умер в Иране в 1688 г. Август II также направил в Иран послом армянина. Это был Якуб Нуркиевич. Шах торжественно принял его в 1699 г. Миссия имела положительные результаты[36].

В отличие от сношений с Ираном польско-турецкие отношения даже после войны 1620—1621 гг. были систематическими и весьма оживленными. Участвовавшие в них армяне за свои весьма важные заслуги получали доступ в среду шляхты со всеми вытекающими отсюда привилегиями.

Шляхтичами стали армяне, направленные в Стамбул: Николай Матьяшевич в 1660 г. с самостоятельной миссией, Николай Байдулович в 1667 г. с послом Радзиевским, Стефан Дзиангимирский в 1678 г., что было одной из многих его миссий в Турции и Крымском ханстве[37].

Дипломатическая служба не была единственным проявлением общественной деятельности армян в Речи Посполитой. Королевскими секретарями были Николай Хадзиевич и Криштоф Вартерисович, получившие шляхетское достоинство в 1654 и 1659 гг., коронным писарем был Стефан Ханкиевич (1673 г.), писарем коронной казны—Криштоф Стефановский (1687 г.)[38].

Многие армяне получали шляхетство за ратные подвиги, защищая владения Речи Посполитой. Те, кто не получил награды, служили ей не менее верно, защищая от турок и татар подступы к Каменцу, Львову и другим городам, где жили армяне. Известны семьи, давшие нескольких выдающихся воинов: Грегор Шеферович, ротмистр польского войска, получил шляхетское звание в 1658 г., Богдан Шеферович, как войт Язловца, героически проявил себя при защите родного города от турок, за что Ян III на коронационном сейме в 1676 г. принял его со всем потомством в шляхетское сословие[39].

Эти примеры, которые можно преумножить, свидетельствуют о том, что армяне на Украине и в Польше были не только купцами, что их роль в общественной и государственной жизни городов и государства заслуживает глубокого изучения.

---

36 L. Korwin, указ. соч., стр. 154—155, 137.

37 Там же, стр. 125, 170, 80.

38 Там же, стр. 85, 171, 89, 153.

39 Там же, стр. 156.

ՀԱՅԵՐԸ ԼԵՀԱԿԱՆ ԴԻՎԱՆԱԳԻՏԱԿԱՆ ԾԱՌԱՅՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ XVI—XVII ԴԱՐԵՐՈՒՄ

Ն. Ս. ՌԱՇԲԱ, Ս. Ի. ԱՎԵՐԲՈՒԽ (Խարկով)

(Ամփոփում)

Հոդվածում փաստական նոր նյութերի հիման վրա վեր է հանվում լեհահայերի դերը XVI—XVII դդ. լեհական դիվանագիտության պատմության մեջ, տրվում է լեհ-թուրքական և լեհ-իրանական հարաբերությունների ասպարեզում հայերի դիվանագիտական գործունեության ժամանակագրական պատկերը։ Այս ամենը վկայում է Ռեչ Պոսպոլիտայի XVI—XVII դդ. հասարակական և քաղաքական կյանքում լեհահայերի ունեցած մասնակցության մասին։